

Локомотив исторической науки

**Сборник научных статей и публикаций
к 70-летию профессора ИАИ РГГУ
А. С. Сенина**

Москва 2026

УДК 94(47)(082)+930(470)«19/20»(092)

ББК 63.3(2)я43+63.1(2)6-81я43

Л73

Одобрено к публикации рабочей группой секции научной,
научно-популярной и справочно-информационной литературы РИСО РГГУ
7 апреля 2026 г. № 3-26.

Рецензенты

доктор исторических наук А. А. Киличенков

кандидат исторических наук М. А. Колеров

Л73 Локомотив исторической науки: сборник научных статей и публикаций к 70-летию профессора РГГУ А. С. Сенина / сост. и ред. А. М. Лаврёнова, Л. Д. Шаповалова. — М. : Модест Колеров, 2026. — 424 с.
ISBN 978-5-6054314-7-3

Сборник приурочен к юбилею профессора кафедры истории государственных учреждений и общественных организаций РГГУ профессора А. С. Сенина. Первую часть сборника составляют юбилейные статьи коллег и учеников, посвященные А. С. Сенину. Во вторую часть вошли научные статьи по различным аспектам отечественной истории.

ISBN 978-5-6054314-7-3

© Коллектив авторов, 2026

© А. М. Лаврёнова, Л. Д. Шаповалова, сост. и ред., 2026

© Российский государственный гуманитарный университет, 2026

А. В. Ганин,
*доктор исторических наук, ведущий научный
сотрудник Института славяноведения РАН*

**«БОЛЬШЕВИКИ... ПРЕВРАТИЛИ
ОФИЦЕРОВ ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА
В УЗКИХ СПЕЦИАЛИСТОВ...»:**

статья А. С. Резанова «Наш Генеральный штаб»

Среди разнообразных и случайных материалов коллекции видно-го публициста и издателя В. А. Бурцева (17.11.1862—21.02.1942) в Государственном архиве Российской Федерации (ГА РФ) хранится машинописный набор статьи «Наш Генеральный штаб»¹. Этот текст содержит критическую оценку Генерального штаба старой России и определенные наблюдения автора, ряд суждений которого довольно точно характеризовали особенности службы специалистов Генерального штаба в Гражданскую войну, в связи с чем возникла идея его публикации. Впрочем, статья содержала и ошибки.

Свой обзор автор начинает со времен Русско-японской войны 1904–1905 гг., отмечая, что представления о противнике в военном ведомстве были поверхностными, не имелось ни плана войны, ни специальных карт будущего театра военных действий. Действительно, руководством военного министерства поощрялся взгляд на японскую армию как на плохо обученную и не подготовленную к широкомасштабной войне. Разведывательная информация не отличалась достоверностью. Как в прессе, так и в документах военного ведомства распространялись шапкозакидательские настроения². Планы военных действий, разумеется, существовали, но недооценка противника вела к ошибкам военного планирования, в котором, в частности, не учитывалась возможность внезапных действий противника и высадки им крупных сил на континенте³, как произошло в итоге. Что касается необеспеченности картами театра будущей войны, то это утверждение является мифом: в период 1890-х — начала 1900-х гг. (до войны) российские военные топографы провели новые топографические съем-

ки в Южной Маньчжурии, в том числе на Квантунском полуострове и большей части Ляодунского полуострова⁴. Картографическая обеспеченность театра военных действий признается специалистами вполне удовлетворительной.

Как справедливо констатирует автор статьи, после поражения в Русско-японской войне, офицеры Генерального штаба стали подвергаться нападкам в военной печати. Обоснованно приводятся недостатки, присущие генштабистам, — несостоятельность получаемой слушателями Николаевской академии Генерального штаба подготовки, оторванность офицеров от строевой службы и жизни, их карьеризм, кастовость и самонадеянность. Впрочем, некоторые суждения автора, пытающегося возложить на генштабистов ответственность за все неудачи Первой мировой войны для России, включая вопросы функционирования военной промышленности, излишне категоричны и критичны.

Далее автор переходит к рассмотрению роли генштабистов в Гражданской войне. На наш взгляд, это наиболее интересная часть статьи. Эту часть автор начинает с обвинения генштабистов в том, что они в большинстве своем перешли на сторону красных. Остановимся на этом тезисе подробнее.

Обвинения генштабистов в массовом переходе на сторону большевиков получили широкое распространение в кругах белой эмиграции как способ объяснения военного поражения белых⁵. Например, журналист Г. В. Немирович-Данченко в 1922 г. в Берлине писал о 75% бывших офицеров Генштаба, служивших большевикам⁶. Подобные оценки разделяли и генштабисты, стоявшие в руководстве Белого движения. Так, генерал А. И. Деникин отмечал, что особенно широко у красных был представлен Генеральный штаб⁷. Схожие оценки оставляли и обыватели. Журналист А. А. Валентинов в штабе Врангеля 30 мая (12 июня) 1920 г. узнал, что красным служат свыше 80% генштабистов⁸. Автор же публикуемой статьи утверждал, что в РККА поступило $\frac{2}{3}$ офицеров Генерального штаба. Разумеется, это было значительным преувеличением, а неудачи белым было проще списать на более квалифицированный командный состав противника, чем задуматься о собственных системных просчетах.

В настоящее время существует возможность оценить численность военспецов-генштабистов РККА предметно. По последним подсче-

там, через ряды Красной армии за время Гражданской войны 1917–1922 гг. прошло не менее 1 600 выпускников академии различных категорий. Разумеется, такое количество генштабистов служило у красных не одновременно, а в разные периоды. Контингент военспецов-генштабистов РККА превышал аналогичные показатели по любой из белых армий, хотя совокупно через ряды белых армий прошло больше выпускников академии. На РККА приходилось 39,3% мест службы всех выпускников академии, прошедших через все противоборствующие армии⁹. Всего же в Гражданской войне участвовало не менее 2 859 выпускников академии¹⁰. Если исходить из этого количества, то через ряды РККА прошло 56% таких лиц.

Далее в статье приводились некоторые наиболее громкие фамилии военспецов-генштабистов, но этот список содержал неточности. К примеру, бывший военный министр генерал А. Н. Куропаткин в Красной армии не служил, а занимал должность консультанта Холмского отдела народного образования в Псковской губернии и занимался обустройством Наговской сельскохозяйственной школы, созданной по его инициативе еще до революции¹¹. Не служил в РККА и бывший генерал В. А. Черемисов. Генерал А. П. Архангельский уже в 1918 г. перешел в антибольшевистский лагерь, а до того, параллельно со службой в РККА, деятельно участвовал в работе белого подполья. Генерал Л. М. Болховитинов в том же году попал в плен к белым и в красный лагерь уже не вернулся. Бывший полковник М. Ф. Раевский был расстрелян за причастность к антибольшевистскому подполью. Таким образом, из тринадцати персоналий, указанных в статье, добросовестными военспецами могут считаться не более девяти человек. Кроме того, насколько известно, представители старой Военной академии, вопреки утверждению автора статьи, не подносили наркому по военным делам Л. Д. Троцкому диплом и ученый знак академии¹².

Но что действительно выглядит проницательным наблюдением, так это утверждение автора статьи о превращении большевиками военспецов-генштабистов в узких специалистов, контролируемых комиссарами. В результате присущие генштабистам старой школы негативные качества оказались минимизированы, на первый план вышли результативность работы и профессионализм, а среда генштабистов оздоровилась.

Сравнивая работу военспецов-генштабистов и их прежних товарищей, оказавшихся в белых армиях Юга России, автор отмечает, что в белом лагере такие офицеры заняли все руководящие посты, однако без сдерживающего фактора комиссарского контроля белые генштабисты в полной мере продемонстрировали прежние кастовые традиции, карьеризм, протекционизм и самомнение. Это негативно сказалось на исходе Белого движения. Подобная оценка также представляется справедливой.

Установить, публиковался ли этот текст когда-либо, не удалось. Однако, поскольку он не встретился автору этих строк за несколько десятилетий изучения темы, очевидно, что публикуемый материал достаточно редкий.

Насколько можно судить, статья по времени написания относится к 1920 г. На обложке дела с ней указан, видимо, автор — полковник А. С. Резанов. Александр Семенович Резанов (1878–?) был выпускником Александровской военно-юридической академии и известным военным юристом своего времени. Его послужной список включал должности помощника военного прокурора Варшавского и Петроградского военно-окружных судов, а сам он был специалистом по борьбе со шпионажем. Также Резанов считается автором неосуществленного проекта создания мощного контрразведывательно-полицейского ведомства¹³. Резанов участвовал в расследовании ряда дел о шпионаже на Северном фронте в годы Первой мировой войны и являлся многолетним сотрудником знаменитого контрразведчика генерала Н. С. Батюшина. По рекомендации последнего Резанов едва не стал директором Департамента полиции МВД¹⁴. Батюшин вместе со своим окружением приобрел скандальную репутацию борца с немецким засильем и шпиономана. В итоге деятельность Батюшина и его сотрудников в Первую мировую войну (в том числе участвовавших в негласной оперативной разработке Г. Е. Распутина и его окружения) привела к провалу и дискредитации военной контрразведки¹⁵. Самого же Резанова обвиняли в коррупции и вымогательстве¹⁶.

Резанов имел склонность к писательству. Еще в 1910 г. в Варшаве вышла его работа «Армия и толпа», а в 1914 г. в Петрограде — книга «Немецкие зверства», выдержавшая в военные годы несколько изданий. По мнению автора, победить немцев в открытом бою было недостаточно, требовалось освободить от германской зависимости торгов-

лю и промышленность, а земли — от немецких колонистов. «Пусть же наша книга будет первой бомбой, брошенной в эту цитадель немецкой эксплуатации России», — писал он в августе 1914 г.¹⁷ Затем в 1915 г. Резанов издал книгу «Немецкое шпионство», внесшую вклад в рост шпиономании в стране¹⁸. Его же перу принадлежала работа «Закон 5 июля 1912 года о государственной измене путем шпионства в мирное время», содержащая постатейные объяснения и приложение иностранных законов о шпионстве.

После революции Резанов оказался в эмиграции во Франции, где продолжил свою прежнюю деятельность, в том числе выступая на тему германского шпионажа¹⁹. Продолжал он и публиковаться. В частности, в 1924 г. издал труд «Штурмовой сигнал П. Н. Милюкова» с критикой деятельности этого политика в годы Первой мировой войны. По-видимому, в числе его эмигрантских трудов оказалась и статья про Генеральный штаб. Дальнейшую судьбу Резанова установить не удалось.

Статья публикуется в соответствии с современными правилами орфографии и пунктуации при сохранении стилистических особенностей оригинала. Явные ошибки исправлены без оговорок.

Наш Генеральный штаб

Японская война с наглядностью показала военную бездарность наших офицеров Генерального штаба. Начиная войну на Дальнем Востоке, Россия не только не знала театра кампании, но даже не имела какого-либо определенного плана возможных военных операций. В Главном штабе, ведавшем тогда и всеми стратегическими вопросами, не оказалось даже специальных карт дальневосточного театра военных действий. Наспех были командированы военные топографы, не знавшие местных условий и местного языка, а потому неудивительно, что плоды их огромных трудов и напряженной работы оказались ненужные для России. Начертания китайских названий вышли фантастическими, почему-то ориентировка по этим планам представлялась далеко не легким делом. Достаточно напомнить, что большинство китайских поселков обозначалось словом «Бутунда» с прибавлением числа, указывающего последовательность этих «Бутунд» в данном округе.

Разгадка отмеченного начертания поселков оказалась весьма простой.

Дело в том, что когда наши топографы чертили карты, как сказано выше, без знания языка, то естественно, что они не могли китайскому населению ясно и определенно объяснить те вопросы, с которыми обращались. На все расспросы о названии поселений, китайцы отвечали одним словом: «Бутунда!», что значит: «не понимаю». Наши же топографы, считая это слово обозначением деревень, написали его на карты, отчего и получилась военно-географическая терминология.

После войны военная печать была полна нападка на офицеров Генерального штаба, которых обвиняла, и вполне основательно, в проигрыше кампании. Отмечалась полная несостоятельность академической подготовки офицеров Генерального штаба, их оторванность от строя, карьеризм и кастовый дух, царивший в их среде, вредно отзывавшийся на интересах армии.

Под давлением протестующих голосов печати правительство решило сделать шаги в смысле реформирования службы Генерального штаба, но эти шаги, предпринятые по указке высших руководителей этой корпорации офицеров, не внеся нового духа, увеличили лишь преимущества Генерального штаба.

Уже в течение Японской войны из компетенции Генерального штаба были выделены все стратегические вопросы и переданы для разрешения новому учреждению — Главному управлению Генерального штаба²⁰.

Эта реформа, по существу, не улучшила дела боевой подготовки России. Главное управление Генерального штаба, составленное из офицеров старой школы, унаследовавшее все традиции этой школы, ничего нового сказать не могло. И по-старому, среди корпорации офицеров Генерального штаба царили те же, знакомые армии, традиции — карьеризм, протекционизм, самонадеянность и оторванность от жизни штабных офицеров.

Армия ненавидела офицеров Генерального штаба, дав им меткое название «моментов»²¹, т. е. людей, ставящих выше всего запросы настоящей минуты, удовлетворение которых сулит много личных выгод.

Среди офицеров Генерального штаба установилась нездоровая атмосфера канцеляризма, низкопоклонничества и карьеризма. Боясь рискнуть своей обеспеченной карьерой, они не вступали в пререкания для пользы дела, с самодурством высших начальников, благодаря

чему живая, светлая критическая мысль вовсе была чужда нашей военной доктрине.

В области военных наук и в деле боевой подготовки армии царил шаблон, ходячие, прописные истины, украденные у немцев. Ко времени Великой войны у нас в России отсутствовала самостоятельная научная разработка тактических, стратегических и иных военных теорий, благодаря чему мы не умели не только наступать, но даже противопоставить немецкой тактике достаточные образцы сопротивления.

Вся научная разработка военных вопросов выражалась в жалких, бездарных компиляциях немецких учебников. В войсках же не было надлежащих руководителей для ведения современной войны, ввиду чего некоторыми штабами местного обучения уже во время военных действий переводились французские и опять-таки немецкие же наставления по атаке, обороне, укреплению крепостей и позиций и т. д. и т. д. согласно опыту войны.

Между тем, со свойственной офицерам Генерального штаба самоуверенностью и соответственно переоценкой своих дарований и военных знаний, эти офицеры все более и более захватывали в свои руки отрасли жизни армии. К моменту Великой войны у нас в России получила роковая система централизации военного дела. Во главе всех отраслей подготовки войны стояли не специалисты, а обязательно офицеры Генерального штаба, академический значок которых давал им смелость самоуверенно решать вопросы, которые требуют для удовлетворительного ответа долгих и трудных лет упорного, специально изучения теории и практики данного предмета.

Последнее слово в области инженерной подготовки возможного театра войны артиллерийского вооружения и снабжения армии, интендантского довольствия принадлежало офицерам Генерального штаба, мнение которых почти всегда торжествовало над мнением специалистов.

Удивительно ли поэтому, что по прихоти военного министра генерала Сухомлинова²² срываются укрепления варшавского плацдарма у нее²³ тогда, когда атмосфера Европы была насыщена признаками развивающейся военной бури.

Удивительно ли поэтому, что русская армия вышла на войну без тяжелой артиллерии, без достаточного количества легких пушек и с абсолютно недостаточным комплектом снарядов?

Удивительно ли поэтому, что интендантское снабжение армии было поставлено более чем небрежно и неумело?

Замкнувшись в тесный кружок привилегированной военной касты, питаясь истинами доступной лишь им военной алхимии, оторванные от жизни и армии, наши офицеры Генерального штаба не могли всесторонне охватить общественные факторы современной войны и оказались ничтожным противником германского Большого Генерального штаба. Тогда как последний штаб, прекрасно учитывая значение технических средств современной войны, заранее вошел в тесный контакт с представителями германского капитала и промышленниками — наш штаб усиленно отмахивался от предложения общественной помощи, иронически улыбаясь на грозные предостережения представителей русской общественности, промышленности и техники.

Мобилизация отечественной промышленности, показавшая, какие возможности по снабжению боевым довольствием армии Россия таила в себе, отнюдь не является заслугой высших руководителей наших войск. Эта идея, идея органического содействия труда боевым успехам войск, заимствована у немцев, будучи случайно почерпнута из статьи журнала «Вестник Европы», излагавшей уже много месяцев спустя после начала войны техническую мобилизацию немцев. На сокровенный смысл этой статьи было обращено внимание ген. Сухомлинова, что и дало толчок к мобилизации отечественной промышленности.

Техническую подготовку немцев, как и много других вопросов, представляющих первостепенную важность в деле войны, наше Главное управление Генерального штаба по обыкновению просмотрело.

Надо сказать, что Особый отдел этого управления, ведавший вопросами тайной (военно-стратегической) разведки и борьбой с немецкими шпионами, руководился все теми же офицерами Генерального штаба, невежественными в этой области, смотревшими на службу в разведывательных отделениях как на отбытие ценза, а потому и не умевших поставить работу отдела на должную высоту. Взгляд наших офицеров Генерального штаба на постановку германского шпионства — это взгляд дилетанта, сложившийся по преимуществу на рассказах детективной литературы о похождениях немецких агентов. Не только серьезной постановки дала, но даже сколь-

ко-нибудь удовлетворительного знания предмета, при таких условиях, у наших штабных офицеров быть не могло. Неудивительно поэтому, что раскрытые судебными властями гнезда немецкого соглядательства в страховом деле, финансовой области и торгово-промышленной сфере казались нашим руководителям контршпионской службы «сюрпризами немецкого шпионства». Характерным образчиком дилетантизма наших штабных офицеров в области тайных разведок может служить следующий факт.

Незадолго до войны на страницах «Нового времени» появился ряд статей под общим заглавием: «Немецкое шпионство, его задачи и цели в мирное время», знакомивших общество с этим вопросом.

Автор статей, базируясь на большом судебном материале, предупреждал русское общество о назревшей опасности, не вдаваясь в сенсационный пафос.

Эти статьи «Нового времени» заинтересовали царя, который обратил на них внимание военного министра Сухомлинова, запросившего со своей стороны мнение об их серьезности начальника Генерального штаба Жилинского²⁴.

Тогда, чтобы успокоить страсти высших представителей армии, в «Русском инвалиде» были напечатаны статьи полковника Ген[ерального] штаба Свечина²⁵, инспирированные особой частью Главного управления Генерального штаба, в названных статьях Свечин изобличал дилетантскую «шпиономанию», распускающую «желтые слухи о шпионах»²⁶.

Авторитет учреждения, наблюдавшего работу неприятельской разведки, был защищен, но зато война показала, как пострадали от этого интересы России.

В военной печати неоднократно раздавались протестующие голоса, требующие передачу ведения разведки и контрразведки в руки специалистов. Но офицеры Генерального штаба ревностно отстаивали свою власть, согласившись лишь в число своих помощников включить представителей юридического элемента.

Большевистский переворот раскрыл истинную моральную цену белой кости нашей армии — офицеров Генерального штаба.

Верные своему лозунгу: «лови момент», — эти офицеры в подавляющем числе пошли на службу большевиков, организовав им армию, которую повели затем на своих братьев, на своих офицеров и сыновей.

Две трети всего количества офицеров русского Генерального штаба поступили в ряды Красной армии, в виде «спецов», и, конечно, военными успехами большевики обязаны этим предателям Отечества.

Трудно перечислить имена, даже высших представителей Генерального штаба, предложивших свою шпагу Троцкому²⁷ которому, сказать к слову, академия Генерального штаба, в лице ген. Незнамова²⁸ и др., поднесла диплом и отличительный ученый знак этой академии²⁹.

Куропаткин³⁰, Клембовский³¹, Поливанов³², Гутор³³, Сытин³⁴, Архангельский³⁵, Болховитинов³⁶, Черемисов³⁷, Парский³⁸, Бонч-Бруевич³⁹, Каменев⁴⁰, Самойлов⁴¹, Раевский⁴² и т. д., и т. д.

Большевики, верные общему направлению своей политики, превратили офицеров Генерального штаба в узких специалистов, работающих под неустанным наблюдением политкомов и военкомов. При такой постановке дела дилетантизм и верхоглядство наших офицеров Ген. штаба отпали, и они втянулись в свойственные своей специальности занятия — разработку организационных и операционных вопросов.

Принимая во внимание политические условия и общую разруху России, при которых организовалась Красная армия, разбирая стратегические операции этой армии против ген. ⁴³ Колчака⁴⁴, ген. Деникина⁴⁵, Врангеля⁴⁶, — должно признать, что работают наши «моменты» в красном стане прилежно, усердно и толково. Большевистский режим оздоровил, в смысле технической постановки дела, дилетантскую среду офицеров Генерального штаба.

К сожалению, должно сказать, что в южных добровольческих армиях Генеральный штаб, свободный от сдерживающих их красных комиссаров, заняв к тому же все ответственные должности армии, вновь проявил кастовые традиции, а именно: нетерпимость к чужому мнению, карьеризм, протекционизм и самомнение. Вновь важные отрасли военного дела, требующие специальных знаний, всецело оказались в руках офицеров Генерального штаба, что отразилось вредно на общем итоге борьбы с большевизмом.

В особенности пострадала от невежества руководителей разведывательная область, имеющая в Гражданской войне огромное значение.

На этом примере особенно ярко выразились кастовые пороки офицеров Генерального штаба, о чем требуется поговорить особо.

Комментарии

- ¹ ГА РФ. Ф. Р-5802. Оп. 1. Д. 2084. Л. 1–6.
- ² Глушков В. В., Шаравин А. А. На карте Генерального штаба — Маньчжурия. Накануне Русско-японской войны 1904–1905 гг. М., 2000. С. 59, 375.
- ³ Алексеев М. Военная разведка России от Рюрика до Николая II. М., 1998. Кн. 1. С. 151.
- ⁴ Глушков В. В., Шаравин А. А. На карте Генерального штаба — Маньчжурия... С. 378.
- ⁵ Подробнее см.: Ганин А. В. Кадры Генерального штаба в период Гражданской войны в России 1917–1922 гг. М., 2023. Т. 1. С. 327–328.
- ⁶ Немирович-Данченко Г. В. В Крыму при Врангеле: Факты и итоги. Берлин, 1922. С. 27.
- ⁷ Деникин А. И. Очерки русской Смуты. М., 2003. Кн. 2. С. 547.
- ⁸ Валентинов А. А. Крымская эпопея // Архив русской революции. Берлин, 1922. Т. 5. С. 16.
- ⁹ Ганин А. В. Кадры Генерального штаба... Т. 1. С. 372, 374.
- ¹⁰ Там же. С. 357.
- ¹¹ Подробнее о советском периоде жизни Куропаткина см.: Попов Ю. Г. Куропаткин и Шешурино (документы, воспоминания, публикации). Торопец, 2002; *Он же*. Шешуринский шатер Алексея Николаевича Куропаткина. СПб., 2017; Генерал Куропаткин — государственный и военный деятель Российской империи. К 170-летию со дня рождения. СПб., 2018. С. 254–315.
- ¹² Подробнее об академии в Гражданскую войну см.: Ганин А. В. Закат Николаевской военной академии 1914–1922. М., 2014; *Он же*. Академический зигзаг. Главное военно-учебное заведение старой России в эпоху войн и революций. М., 2025.
- ¹³ Зданович А. А. Отечественная контрразведка (1914–1920): Организационное строительство. М., 2004. С. 49–50.
- ¹⁴ Хутарев-Гарнишевский В. В. Противостояние. Спецслужбы, армия и власть накануне падения Российской империи, 1913–1917 гг. М., 2020. С. 473.
- ¹⁵ Каширин В. Разведчики военного шпионства // Родина. 2008. № 12. С. 31–32.
- ¹⁶ Падение царского режима / под ред. П. Е. Щеголева. Л., 1925. Т. 4. С. 93.
- ¹⁷ Резанов А. С. Немецкие зверства. Изд. 2-е. Пг., 1915. С. VIII.
- ¹⁸ Фуллер У. Внутренний враг: Шпиономания и закат императорской России. М., 2009. С. 209.
- ¹⁹ См., напр.: «Канун октябрьской революции» // Шанхайское Новое время. 1923. 3 ноября. С. 2.
- ²⁰ Главное управление Генерального штаба было создано в июне 1905 г. Автор ошибается, считая Главное управление Генерального штаба не относящимся к Генеральному штабу учреждением.
- ²¹ «Момент» — ироничное наименование офицеров Генерального штаба в старой России.
- ²² Сухомлинов Владимир Александрович (04.08.1848–02.02.1926), генерал от кавалерии, генерал-адъютант, военный министр (1909–1915). Уволен от службы (08.03.1916) и арестован (29.04.1916).
- ²³ Видимо, у Варшавы.
- ²⁴ Жилинский Яков Григорьевич (15.03.1853–1918), генерал от кавалерии, начальник Генерального штаба (22.02.1911–04.03.1914). После октября 1917 пытался эмигрировать. Расстрелян.
- ²⁵ Свечин Александр Андреевич (17.08.1878–29.07.1938), подполковник (впоследствии — генерал-майор), помощник делопроизводителя Главного управления Генерального штаба (04.05.1908–12.08.1913).

- ²⁶ Речь идет о статье А. А. Свечина «Желтая опасность» (см.: Русский инвалид. 12.09.1910. № 199. С. 3; 19.09.1910. № 204. С. 3; 26.09.1910. № 210. С. 3).
- ²⁷ Троцкий (Бронштейн) Лев Давидович (26.10.1879–21.08.1940), революционер, советский государственный и политический деятель. Народный комиссар по военным делам, председатель Реввоенсовета Республики. Один из ключевых организаторов Красной армии.
- ²⁸ Незнамов Александр Александрович (10.10.1872–28.06.1928), генерал-майор, военный специалист РККА.
- ²⁹ Эти сведения не соответствуют действительности.
- ³⁰ Куропаткин Алексей Николаевич (17.03.1848–16.01.1925), генерал от инфантерии. В 1898–1904 гг. — военный министр России. Должностей в РККА не занимал, а служил консультантом Холмского отдела народного образования в Псковской губернии.
- ³¹ Клембовский Владислав Наполеонович (28.06.1860–19.07.1921), генерал от инфантерии, военный специалист РККА. Умер в тюрьме от истощения после 14-дневной голодовки.
- ³² Поливанов Алексей Андреевич (04.03.1855–25.09.1920), генерал от инфантерии, военный специалист РККА. Умер от тифа во время пребывания в Риге в качестве военного эксперта в составе делегации для заключения мира с Польшей.
- ³³ В РККА в качестве военных специалистов служили двое братьев Гуторов, выпускников Николаевской академии Генерального штаба: Гутор Александр Евгеньевич (11.05.1866–?), генерал-майор, военный специалист РККА. Гутор Алексей Евгеньевич (30.08.1868–13.08.1938), генерал-лейтенант, военный специалист РККА.
- ³⁴ Сытин Павел Павлович (18.07.1870–22.08.1938), генерал-майор, военный специалист РККА.
- ³⁵ Архангельский Алексей Петрович (05.03.1872–02.11.1959), генерал-лейтенант, военный специалист РККА, один из руководителей белого подполья в Советской России. Бежал из Советской России на Украину. Участник Белого движения на Юге России.
- ³⁶ Боховитинов Леонид Митрофанович (05.01.1871–11.06.1925), генерал-лейтенант, военный специалист РККА. Попал в плен к белым, был разжалован в рядовые, впоследствии восстановлен в чине. Участник Белого движения на Юге России. Покончил с собой в эмиграции.
- ³⁷ Черемисов Владимир Андреевич (09.05.1871–1937), генерал от инфантерии, главнокомандующий армиями Северного фронта (09.09–14.11.1917). Не служил в РККА.
- ³⁸ Парский Дмитрий Павлович (10.10.1866–20.12.1921), генерал-лейтенант, военный специалист РККА.
- ³⁹ Бонч-Бруевич Михаил Дмитриевич (24.02.1870–03.08.1956), генерал-майор, военный специалист РККА.
- ⁴⁰ Каменев Сергей Сергеевич (04.04.1881 (в ряде документов — 1880) — 25.08.1936) — полковник, военный специалист РККА.
- ⁴¹ Самойло Александр Александрович (23.10.1869–08.11.1963), генерал-майор, военный специалист РККА.
- ⁴² Раевский Михаил Федорович (29.01.1879–1921), полковник, военный специалист РККА. Расстрелян.
- ⁴³ Правильно — адмирала.
- ⁴⁴ Колчак Александр Васильевич (04.11.1874–07.02.1920), адмирал (с 18.11.1918), полярный исследователь. Лидер Белого движения на Востоке России. Верховный правитель России (18.11.1918–04.01.1920).

-
- ⁴⁵ Деникин Антон Иванович (04.12.1872–07.08.1947), генерал-лейтенант, один из вождей Белого движения на Юге России. Главнокомандующий ВСЮР (1919–1920).
- ⁴⁶ Врангель Петр Николаевич (15.08.1878–25.04.1928), барон, генерал-лейтенант, один из вождей Белого движения на Юге России. Главнокомандующий ВСЮР и Русской армией (1920).